

Красинский*. Петербургская повесть

Е. М. Иванова

ГЛАВА 4

На следующий день, рано утром, Печорин послал своего казачка Федьку в лавочку, приказав опустить в почтовый ящик письмо. В два часа пополудни он решил, что письмо уже доставлено по адресу, и сам явился к Лиговским. Княгиня Вера Дмитриевна была занята важным делом – распорядилась упаковкой вещей в дорогу, а князь пригласил гостя в свой кабинет. Вид у Степана Степановича был весьма озадаченный.

– Как вы, кстати, Григорий Александрович? – сказал он. – Помогите мне разгадать мудреную загадку. Я никак не могу понять: что бы это значило?

С этими словами князь протянул Печорину рисунок. Жоржу стоило большого труда скрыть свое злорадство и изобразить доброжелательную заинтересованность.

– Это, несомненно, портрет Веры Дмитриевны, – ответил он князю.

– Но кто мог это сделать? Она никому не позировала!

– Моя сестрица недавно похвасталась мне подобным портретом. И сделан он был в вашем доме, вашим гостем Красинским. Кстати, под рисунком тоже были французские стихи. Узнаю почерк мастера.

– Но почему Красинский не подписался, если хотел сделать подарок княгине?

– Потому, вероятно, что эти стихи (Печорин указал на строки Мюссе) не совсем приличны.

– Я, конечно, не знаток французской поэзии, но что же в них неприличного? – удивился князь.

– Именно в этих строчках ничего неприличного нет, но вообще в этом стихотворении (а это, как мне помнится, «Андалузка»)

автор описывает свою страстную любовницу.

– О господи! – воскликнул обескураженный князь. – Никак не ожидал от Красинского такой подлости!

– Он поляк, а от этого народа всего можно ожидать, – ответил Печорин. – Уж поверьте мне, я рассмотрелся на шляхтичей во время Польской кампании.

– Что же теперь делать? Я обещал Верочке, что мы завтра уедем в Москву..

Князь в волнении стал ходить по кабинету. В глазах Жоржа появилось выражение кота, наблюдающего за мышью, хотя высокий, сутулый князь был крупнее его самого. Насладившись смятением своей жертвы, Печорин подал совет:

– И поезжайте, князь, не надо откладывать отъезд. А это дело поручите мне. Я сегодня же потребую от Красинского объяснений и извинений. Позвольте мне взять рисунок.

– Надеюсь, до дуэли дело не дойдет? – спросил Степан Степанович с видимым облегчением.

– По крайней мере, вам, князь, не подобает стреляться с таким ничтожеством, а я сумею поставить на место этого «художника».

Забрав у Лиговского портрет княгини, Печорин сразу же поехал в департамент к Красинскому.

Когда он вошел в здание департамента, было почти четыре часа пополудни. Некоторые чиновники уже закончили работу и раскладывали на столах готовые документы, но Красинский еще что-то сосредоточенно писал, не обращая внимания на сослуживцев.

– Сударь, у меня к вам срочное дело, – произнес Печорин. – Не могли бы мы переговорить в коридоре?

Красинский поднял голову, нахмурился, нехотя встал и вышел вслед за Печориным из отделения.

– В чем на сей раз состоит ваше дело? – спросил он, остановившись около окна в коридоре.

Печорин показал ему портрет княгини Лиговской.

– Это ваша работа?

– Нет, не моя.

Красинский повернулся и хотел было возвратиться на свое место, но Печорин преградил ему дорогу, громко воскликнув:

– Не отпирайтесь! Я знаю, что это ваших рук дело. Как вы посмели оскорбить княгиню такими стишками?

– Еще раз говорю вам, что не имею ни к рисунку, ни к стихам никакого отношения. И почерк вовсе не мой. Это вам может подтвердить любой из моих товарищей.

Красинский опять сделал попытку вернуться на свое место, но Печорин резким движением разорвал рисунок и бросил Красинскому в лицо.

– Вам не удастся так легко избежать заслуженного наказания!

Лицо Красинского сделалось блее брошенных в него клочков бумаги. Как раз в это время два чиновника открыли дверь отделения, собираясь идти со службы домой, но, увидав скандальную сцену, в недоумении застыли на пороге. Затем быстро отступили назад и прикрыли за собой дверь. Печорин усмехнулся:

– Однако, я вижу, у вас будут затруднения с поиском секундантов. Что ж, в таком случае могу предложить вам своего товарища – поручика Браницкого. Он, кстати, поляк, и к тому же был свидетелем странного эпизода в ресторации «Феникс» недели две тому назад. Я тогда посмеялся над тем, как мой рысак сбил на улице неуклюжего чиновника, а вы разбили мою посу-

* Окончание. Начало в № 6 (64), 2011 г.

ду. Вот и скажите Браницкому, что сбитый чиновник – это вы и есть. Вероятно, он вам посочувствует. Надеюсь, вам хватит ума не упоминать имени княгини.

Красинский молчал, с ненавистью глядя на противника.

– Так вы согласны с моим предложением? Браницкий придет к вам завтра в департамент. Или лучше на квартиру?

– В департамент, – с трудом выговорил Красинский охрипшим голосом и, обойдя Печорина, открыл дверь отделения. Сев за свой стол, он обхватил руками голову.

А Печорин быстро пошел к выходу, дал швейцару пять рублей, велел подобрать в коридоре бумажки и принести ему. Затем сел в сани и поехал к Браницкому.

Поручик Конно-артиллерийского полка Ксаверий Леонтьевич Браницкий жил на Литейной улице в казенной квартире. Он происходил из богатого и знатного польского рода, но своим графским титулом ничуть не гордился. Товарищи любили его за спокойный, дружелюбный нрав, а начальники уважали за добросовестное отношение к службе. Даже Печорин, который терпеть не мог поляков, ни разу не сказал о Браницком ни одного дурного слова. Он даже не смеялся над рано появившейся лысиной приятеля, хотя очень любил подмечать у других внешние недостатки (вероятно, потому, что сам втайне страдал из-за своего невысокого роста).

Усевшись в кресло в кабинете Браницкого и закуривая трубку, Печорин начал разговор:

– Ну вот, Ксаверий... Как говорится, долг платежом красен. Я обещал избавить тебя от Красинского и собираюсь сделать это в ближайшее время. Но у него нет друзей в Петербурге. Ты согласишься быть его секундантом?... А я возьму Гурова.

– Жорж, ты сошел с ума! Драться из-за портрета? – воскликнул Браницкий.

– Портрет здесь ни при чем. Забудь про него. Вот, кстати, возьми свой карандаш, он тебе еще пригодится... У меня с Красинским свои счеты. Помнишь, недели две тому назад мы с тобой и с Гуровым пили чай у «Феникса» в антракте «Фе-

Угол Невского проспекта и Большой Морской улицы

Угол Невского проспекта и Караванной улицы

Угол Невского проспекта и набережной р. Фонтанки

неллы»*. За нашим столом сидел чиновник, который явно нарочно опрокинул наши стаканы. Это и был Красинский. Он еще тогда хотел бросить мне вызов за то, что я посмеялся над сбитым моим рысаком зевакой (каковым опять-таки оказался Красинский), но в тот момент он струсил. И вот теперь решился... Так ты пойдешь в секунданты?

– А ты всерьез намерен его убить? – забеспокоился Браницкий.

– Нет, конечно. Но, согласись, после дуэли со мной он не посмеет искать встреч с Варенькой, верно? К тому же от тебя будет зависеть, на каких условиях нам стреляться.

Браницкий, в раздумье потерев лоб, спросил:

– Вероятно, ты уже предложил меня в секунданты?

– Да, – признался Печорин. – Сам посудите: именно вы с Гуровым были свидетелями его эскапады у «Феникса», а теперь ты знаешь причины его поступка...

– Ну, хорошо, Жорж, я подчиняюсь твоей логике. Где я должен встретиться с Красинским?

– Завтра он до четырех часов будет на службе в Департаменте государственных имуществ. Это на Мойке, у Синего моста, вход с Нового переулка, – начал объяснять Печорин. – По коридору налево, первое отделение, второй стол справа.

– Я сделаю все, чтобы превратить вашу дуэль в простую формальность, – предупредил Браницкий.

– Делай что хочешь. Я соглашусь на любые условия... Ты, случаем, не знаешь, когда у Гурова дежурство? Сегодня или завтра?

– Кажется, сегодня. А впрочем, не уверен, – ответил Браницкий.

– Ну да ладно, я его все равно найду... Приходи ко мне завтра вечером, расскажешь, как пойдет дело.

Выйдя от приятеля, Жорж поехал к казармам Преображенского полка.

Вернувшись домой в девятом часу, Печорин увидел у подъезда карету Лиговских. Княгиня Вера Дмитриевна сидела в гостиной, беседуя с его матерью и сестрой. Увидев вошедшего брата, Варенька воскликнула:

– Представь, Жорж, Верочка завтра уезжает!

* «Фенелла» – переделанная опера Обера «Немая из Портичи».

– Ну что ж, я могу только пожелать княгине счастливой дороги, – ответил Печорин, поклонившись Вере Дмитриевне.

– А я считаю, что завтра ехать нельзя, – возразила Татьяна Петровна. – У тебя, кажется, жар, – добавила она, дотронувшись до Верочкиной руки.

И действительно, глаза княгини неестественно блестели, а на щеках алел лихорадочный румянец.

– На меня дурно действует петербургский климат, – ответила Вера Дмитриевна. – В Москве я быстро поправлюсь.

– Да я тебя на Морскую-то боюсь отпускать, не то что в Москву. Право, Верочка, оставайся у нас. Жорж съездит к князю и скажет ему, что мы хотим тебя вылечить перед дорогой.

– Нет-нет, об этом не может быть и речи. Пусть лучше Григорий Александрович проводит меня до дому, чтобы вы не беспокоились. Если, конечно, он не очень устал сегодня, – прибавила Вера Дмитриевна, внимательно посмотрев на Печорина.

– Всегда к вашим услугам, – ответил Жорж.

В карете княгиня сразу же задала волновавший ее вопрос:

– Где мой портрет, Григорий Александрович?

– Его больше не существует, Вера Дмитриевна. Да и к чему вам портрет, который никому нельзя показывать?

– Вы его уничтожили?

– Конечно.

– А Красинский?

– Что Красинский?

– Вы его вызвали на дуэль?

– Вера Дмитриевна, – холодно проговорил Печорин, – дамам не следует вмешиваться в мужские дела. Я же не спрашиваю, какие наряды вы приобрели в Петербурге.

– Значит, ты его вызвал! – воскликнула Вера, не в силах больше выдерживать светский тон. – Жорж, я умоляю тебя, не надо дуэли!

– Интересно, за кого вы так переживаете, княгиня? – спросил Печорин с ядовитой усмешкой. – За меня или за этого Аполлона?

– Жорж!.. – Вера заплакала и обвила руками шею Печорина.

Он прижал ее к себе, стал целовать горящие щеки, глаза, виски, приговаривая сдавленным голосом:

– Вера... Верочка... Успокойся, пожалуйста...

– Обещай мне, что не будешь стреляться!

– Не буду... Ну, успокойся, наконец! Как ты покажешься на глаза мужу в таком виде?

Вера Дмитриевна опомнилась. Промокнув глаза платком, она попыталась несколько раз глубоко вздохнуть (насколько позволял затянутый корсет) и наконец произнесла:

– Я знаю, что твоим обещаниям нельзя верить, но буду молить Бога, чтобы ты пожалел мать и сестру и отказался от безумной затеи.

– Безумной затеей был твой брак, Верочка, но, к сожалению, это уже никак нельзя исправить, – с горечью ответил Жорж.

Вера Дмитриевна судорожно всхлипнула. В этот момент карета остановилась на Большой Морской. Печорин вышел и подал княгине руку.

ГЛАВА 5

На следующий день Лиговские уехали в Москву, а вечером к Печорину пришли Браницкий и Гуров.

– Послушай, Жорж, я не совсем понимаю ситуацию, – взволнованно начал разговор Браницкий. – Красинский говорит, что это ты его вызвал из-за разбитой у «Феникса» посуды...

– Пусть так, – согласился Печорин, – какая, в сущности, разница, кто кого вызвал?

– То есть ты готов рисковать жизнью из-за такой ерунды?

– О каком риске идет речь? Ты думаешь, этот чиновник умеет стрелять? С его-то нервами?

– Чем черт не шутит! – возразил Гуров.

– Не смешите меня, – отмахнулся Печорин. – Отнеситесь к этому как к спектаклю и подумайте лучше о декорациях.

– А декорации будут такие... – обстоятельно начал Гуров. – Завтра, в девять, на Волковом поле. Я договорился с нашим полковым доктором. Утром заедем за тобой в восемь. Пока мы с Браницким подготовим площадку, глядишь, рассветет...

– Ближние барьеры в десяти шагах, так хочет Красинский, ну и на пять расходитесь, – добавил Браницкий. – Но я считаю, что

лучше бы на пятнадцати барьеры поставить.

– Ты хочешь опозорить меня перед канцелярской крысой? Не вздумай предложить! – воскликнул Жорж.

– Я о нем забочусь, а не о тебе, – ответил Браницкий.

– Вот это правильно, ты ведь его секундант, – усмехнулся Печорин.

– Тогда до завтра, – сказал Гуров. – Значит, я везу врача, а Браницкий – пистолеты.

Утром следующего дня с неба крупными хлопьями валил густой снег. На Волковом поле поручик Браницкий и преображенный офицер Гуров, чуть не по колено проваливаясь в сугробы, протапывали тропинки для дуэлянтов. Неподалеку от намеченной площадки стояли двое крытых саней. В одних сидел бледный после бессонной ночи Красинский, мрачно глядя на ящик с дуэльными пистолетами. В других, более просторных санях Печорин пытался завести разговор с полковым врачом Шульцем:

– Скажите, доктор, почему мужчины, когда они чем-то расстроены, бледнеют и кровь в их жилах замедляется, а женщины, напротив, краснеют и становятся возбужденными? У них кровеносные системы по-разному устроены?

– Не знаю, – неохотно отвечал Шульц. – По-моему, тут все дело в нервах, а не в кровеносной системе. Бывает, и мужчины краснеют.

– Ну, разве что в детском возрасте, – возразил Печорин. – Я вот не помню даже, когда в последний раз краснел.

Доктор с подозрением посмотрел на собеседника и не нашелся что ответить. В это время Гуров, закончив свою работу, подошел к Браницкому.

– Слушай, Ксаверий, ведь ни черта не видно! – сказал он. – Как они будут стреляться?

– Вот и хорошо, что не видно, – ответил довольный Браницкий. – Кому нужно кровопролитие?

– Ну, тогда давай разводиться, и покончим поскорей с этим балаганом.

Они подошли к саням. Открыв ящик с оружием, Браницкий проверил и зарядил пистолеты. Пригласив своих принципалов, секунданты повели их к дальним барьерам,